

Николай
ЛЕОНОВ

Алексей
МАКЕЕВ

**Я УБЬЮ ТЕБЯ,
ЛЮБИМАЯ**

Москва
2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л47

Оформление серии *Г. Саукова, В. Щербакова*

Иллюстрации художника *В. Петелина*

Серия основана в 1993 году

Леонов, Николай Иванович.

Л47 Я убью тебя, любимая / Николай Леонов, Алексей Макеев. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 384 с. — (Черная кошка).

ISBN 978-5-699-92315-1

Николай Рукатов — чиновник очень высокого ранга. По роду своей службы он «ворочает» миллиардными инвестициями, решает судьбы крупных региональных проектов в масштабах страны. Каково положение, таков и доход. Многие хотели бы погреть руки на капитале Рукатова. Но как подобраться к этим деньгам? Самый верный способ — через родных чиновника. И вот у его жены Надежды появляется молодой любовник, а про падчерицу Ирину вдруг «вспоминает» родной отец. Неожиданно обе женщины исчезают. Не на шутку перепуганный функционер бьет тревогу и обращается в полицию. Сыщики МУРа Гуров и Крячко спешат с поисками, прекрасно понимая, что пропавшим грозит смерть, потому что в такой игре человеческая жизнь ничего не стоит.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-92315-1

© Макеев А., 2016
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

**Я убью тебя,
любимая**

ПОВЕСТЬ

Глава 1

Николай Иванович Рукатов сидел перед остывающей чашкой кофе и бессмысленно крутил в руках ложечку. Кофе по вечерам он не любил. Тем более после тяжелого рабочего дня. Хотелось выпить коньяку, но тогда жена снова заведет свои излюбленные воспитательные разговоры, а дочь отвернется и будет демонстративно смотреть в сторону. Тягостная обстановка прощания. Скорее бы уж они шли к терминалу посадки.

Надежда Рукатова для своих сорока пяти лет выглядела просто изумительно. Гладкая кожа, стройная фигура, быстрые карие глаза заставляли мужчин оборачиваться на нее. И даже сейчас, без макияжа, одетая без обычного шика, чтобы удобнее было в самолете, жена выглядела обворожительно и очень женственно. Короткие непослушные волосы она поправляла элегантно взмахом тонкой руки и при этом успевала бросить взгляд на окружающих — оценил ли кто этот изящный жест, любит ли ее украдкой какой-нибудь мужчина. А лучше — сразу несколько.

Дочь Ирина была очень похожа на мать, только по характеру она более замкнутая. Отношения у Николая Ивановича с Ириной не ладилась. Началось все еще в ее подростковом возрасте, а потом как-то стали привычными и разногласия, и раздражение, и молчание. Долгое, тягостное, которое могло тянуться часами, когда они вдвоем находились в одном помещении. Но, к счастью, Ирина предпочитала закрываться

в своей комнате, а ужинать в то время, когда бывала дома в одиночестве.

Немного спокойнее и не так тягостно стало в доме Рукатовых после того, как Ирина начала обучение в Лондоне. Кажется, даже короткие диалоги с отцом стали приобретать большую душевность и тепло. Хотя это Николаю Ивановичу могло только казаться. Он скучал по девочке, привычная тоска по хорошим отношениям с ней не отпускала, а может, наоборот, приобретала болезненные формы с возрастом.

— Ты не хмурься, Коленька, — ласково посмотрела на мужа Надежда Владимировна и легко провела пальчиками по его руке, лежавшей на столике. — Я буду писать тебе часто-часто. Там же почти в каждом кафе есть Wi-Fi. И буду слать тебе сообщения и фотки по Интернету.

— Осторожнее там со слонами, — пошутил Рукатов, и его каменно-напряженное лицо слегка расслабилось.

— Они теплые, Коля, — расплылась супруга в улыбке. — Ты даже не представляешь, как приятно вставить слону на спину босой ногой.

— Хватит уже мотаться там по экскурсиям, — недовольно пробормотал Рукатов. — Сто раз уже видели все. Валялись бы на пляже или около бассейна, ели экзотические фрукты.

— Мы же отправляемся на экскурсии не потому, что не видели в Таиланде или Камбодже еще каких-то интересных вещей, и не потому, что там появились новые достопримечательности. Это сама атмосфера, дух страны, ее национальный колорит. Своеобразнее народа я еще не видела в своей жизни.

— Съезди в Южную Америку, купи путевку в деревню племени Огненных Муравьев, — буркнул Рукатов.

— Что бы нас там сожрали? — хмыкнула Ирина.

— Ладно, Коля, ты езжай, — предложила жена. — Нам еще долго тут, а ты устал после работы.

— Ладно. — Рукатов отодвинул так и не тронутую чашку с кофе и поднялся. — Отдыхайте, девочки, развлекайтесь. Легкого вам перелета без дебоширов, хорошей погоды на курорте.

Он наклонился, поцеловал жену в щеку, подошел к дочери, которая так и не подняла на него лица. Чуть помедлив,

поцеловал Ирину в темя и, помахав рукой, двинулся к эскалатору. На глаза попалося табло с наименованием рейсов. SU272, вылет 21.10. Да, подумал Николай Иванович, еще два часа им сидеть в аэропорту, и от этой мысли ему вдруг захотелось скорее попасть домой. Прийти, бросить ключи на столик, разуться, прошлепать босыми, натруженными за день ногами по прохладному полу в комнату, раздеться, взять из холодильника бутылочку пива, вытянуть ноги на диване перед телевизором и смотреть бездумно на экран, потягивая холодное пиво. Отрешиться вообще от всего мира.

Зазвонивший мобильный телефон вернул его снова в окружающий мир.

— Да, — недовольно ответил он, выходя через послушно разъехавшиеся стеклянные двери терминала.

— Николай Иванович, — быстро заговорил мужской голос в трубке. — Надо что-то срочно решать с этой областью.

— Мы же все уже решили? — насторожился Рукатов.

— Не знаю, может, губернатор вышел на кого-то мимо нас в Москве. Короче, они пошли на попятную и не пускают инвестора без отката. А инвестор пошел на принцип, отказывается платить в два кармана. Говорит, что есть и другие области, где имеются условия для размещения энергоемкого производства. Надо включать «тяжелую артиллерию» и добавить местного губернатора. Этот проект у нас в плане стоит.

— Нет, не так, — поморщился Николай Иванович. — Дай мне денек-другой подумать. Тут не давлением решать надо. Я найду им другого инвестора и весь откат отдам в местный карман. Пусть подавятся. А завод надо размещать именно у них.

— Другой кусок предложить? — с сомнением спросил голос. — Ладно, тебе видней.

Гуров сидел в шестом ряду между Орловым и Крячко. Вчера вечером генерал позвал их к себе, грозно посмотрел на старых друзей, потом как-то сник, грустно улыбнулся и стал таким, каким его никто из подчиненных никогда не видел, разве что только старые друзья.

— Ребята, — обнял оперативников за плечи Орлов и подтолкнул к угловому дивану у окна. — У вас совесть есть?

— Ясно, — засмеялся Крячко. — Укатали сивку крутые горки. Надо сейчас собраться и всем вместе поехать...

— Ой, Станислав, — запротестовал Орлов, — не начинай! Чревоугодие еще никогда не врачевало душевные раны и душевную усталость.

— Теперь камушек в мой огород, — кивнул Гуров, усаживаясь и закидывая ногу на ногу. — Каюсь. Завтра премьера, все приглашены, особо привередливым Мария позвонит сама.

— Вот, — удовлетворенно улыбнулся генерал и назидательно поднял перед сыщиками указательный палец. — Искусство, а не алкоголь разбавит усталость в мужской душе. Только чувство прекрасного, а не горького.

— Правда, ребята, — согласился Крячко и сразу стал серьезным. — Давно мы не собирались вместе. Так же нельзя. Работа ухайдакает так нас основательно. Давайте завтра махнем вечером в театр, купим Маше цветов, ввалимся после окончания в гримерку. Шумно, в погонах, при наградах.

— Шпоры не забудь надеть, — посоветовал Гуров.

— Вот ради такого случая не поленюсь договориться с конной полицией, — завелся Крячко и вдруг замер с широко раскрытыми глазами: — Слушайте! А ведь это идея! Трое, верхом, в парадной для строя... и с цветами. Начищенные до блеска сапоги...

— Все, развеселил, — махнув рукой, остановил его Орлов. — Ну вот и договорились. Значит, завтра идем в театр, а в субботу собираемся у меня за городом. Выпьем, поговорим, зажарим чего-нибудь. Женщины пусть сами по себе щебечут, а мы... по-свойски.

Сейчас Гуров сидел и вспоминал, что как раз за два часа до начала спектакля все чуть было не сорвалось — Орлова неожиданно вызвали к заместителю министра, а у Крячко сломалась машина за МКАДом. И все-таки друзья успели. За минуту до первого звонка, но успели. Гуров обрадовался, что не стал ничего говорить Маше, и сейчас сидел и смотрел на сцену, физически ощущая, что Станислав Крячко и Петр

Орлов расслабились, увлеклись действием, происходящим на сцене. Ну вот и славно, подумал он, смена обстановки — самый лучший способ отдыха.

Занавес, антракт, загорелись светильники. Лев с улыбкой наблюдал, как его друзья расслабленно посматривают по сторонам, как им не хочется даже вставать из удобных кресел. Крячко проводил взглядом зрелую даму в вечернем платье и пробормотал вялым голосом без всякого энтузиазма:

— Помнится, раньше в буфете подавали пиво.

— Пива хочешь? — хмыкнул Орлов. — Театрал-эстет.

— Нет, я не настаиваю, — оживился Станислав возможности побалагурить. — Но должна же быть свобода выбора?

— Петр, — незаметно толкнул Орлова плечом Гуров. — Смотри, вон двое тебе машут. Знаешь их?

— Твою ж в душу, — проворчал генерал, потом сделал радужное лицо и, поднявшись, начал пробираться по ряду к выходу.

— Кто это? — тут же насторожился Крячко. — Нет, не наши. Не из МВД.

Орлов исчез до конца последнего акта, но когда друзья собрались идти поздравлять Марию с премьерой, снова появился.

— Извините, ребята! Должность у меня такая. Представительская. Всех я должен знать, со всеми поддерживать хорошие отношения. И не зависит от того, носит человек форму или нет. И деловые круги, и силовики, и кого только нет в перечне моих обязательных встреч.

— Вот почему Гуров не хочет становиться генералом, — понимающе покивал головой Крячко.

— Вам легче, вы можете оставаться просто сыщиками, а я уже не могу.

— Но кто-то же должен нам создавать условия для нормальной работы, — принимая административный удар на себя, улыбнулся Гуров. — Все, хватит ныть! Пошли поздравлять. Мы же решили сегодня отрешиться от службы!

— Я ною? — засмеялся Орлов. — Да если бы не я, вы бы все...

Время перевалило за полночь и замерло. Гуров сидел рядом с женой на заднем сиденье такси и смотрел на проносившиеся мимо улицы. Не замерло только движение на дорогах, но оно в Москве не замирает почти никогда. А вот свет в окнах домов стал гаснуть, меньше стало прохожих на тротуарах. Город опускался в полусон.

Маша рядом зашелестела букетом цветов. Она всегда забирала из театра домой самый красивый букет или тот, который дарил ей муж. Остальные оставляла в театре, но чаще раздаривала подругам и молодым актрисам. Девушки смущались, но им было лестно, что сама Мария Строева передает им свои букеты как признание их актерского мастерства, их таланта, удачно сыгранной роли. Мария Строева это умела — создавать вокруг себя атмосферу позитива.

— Лева, сколько мы с тобой уже просто так не гуляли по городу? — тихо спросила Маша.

Гуров повернул голову и удивленно посмотрел на жену. Глаза ее сделались задумчивыми и печальными, как перед долгой разлукой. Он обнял Машу за плечи, притянул к себе, и она, благодарно ткнувшись ему головой в подбородок, сказала «мур».

— Хочешь, мы сейчас погуляем? — предложил Лев. — Представляешь, долгий-долгий рабочий день позади, наступил поздний вечер, и нам абсолютно некуда спешить. Никто нас нигде не ждет, и мы предоставлены сами себе. Можем гулять сколько хотим.

— А кто из нас должен быть романтиком? — тихо улыбнулась Маша. — Ты, полковник, или я, актриса?

— Если бы я не был романтиком, я бы на тебе не женился.

— А каким романтиком надо быть мне, чтобы выйти замуж за полковника полиции, который целыми днями возится с уголовниками? — Маша подняла глаза на мужа и добавила: — Пошли. Правда, хочется просто пройтись.

Они остановили такси и пошли по ночной улице, глядя на огни рекламы, на яркие витрины магазинов. Маша просунула руку Гурову под локоть и повисла на нем совсем как тогда, когда они еще не были мужем и женой, но уже... проводили

вместе вечера. Лев вдруг хитро посмотрел на Машу и потянул ее в подземный переход.

— Неужели целоваться? — тихо засмеялась она.

Гуров прижал ее к стене прямо на ступенях и поцеловал в губы. Оторвавшись от них, посмотрел ей в глаза и прошептал:

— И не только. Я же помню, что последний раз ты ела черт знает когда.

Он потянул ее в подземный переход, откуда они вышли к вокзалу. Найдя маленькое пустое кафе на первом этаже, Гуров усадил Машу за угловой столик и принес две чашки ароматного чая с лимоном и бутерброды. Они сидели, пили чай и шептались, низко склоняясь друг к другу головами. Редкие посетители, встречающие поздние поезда, или пассажиры, ожидающие посадки, заходили, брали чай, булочки, выпивали и уходили.

— Мы с тобой как влюбленные на свидании, — засмеялась Маша, покосившись на продавщицу.

Гуров посмотрел на жену и подумал о том, что давно не видел у нее таких спокойных глаз. Глаз, в которых было вот такое спокойное счастье.

— Знаешь, о чем я сейчас подумала? — Маша продолжала крутить в тонких пальцах пустую чашку. — Мир становится таким простым и понятным, когда два человека могут вот так позволить себе побыть вдвоем, когда им комфортно вдвоем. Когда этот мир остается за дверью квартиры, стоит им только вернуться к себе домой.

Гуров кивал головой и соглашался. А сам думал о том, что завтра он встанет и пойдет совсем в другой мир. Далеким и от постановок выдуманного мира театра, и даже от мира их квартиры. Он пойдет в мир преступников. Мир уродов, потому что склонность к совершению преступлений, как теперь уже доказали медики, заложена в некоторых из нас на уровне хромосом. И они крадут у ближнего, тащат из кармана, квартиры, поезда. Тащат у государства порой в миллионных масштабах. Убивают, лгут, совершают подлости, потому что иначе не могут. Такова их жизнь. И такова его работа, разыскивать этих уродов и отдавать следователю, а потом судьям,

чтобы им выносили приговоры и изолировали от общества хоть на какое-то время. Но они опять будут возвращаться и снова совершать гнусности и подлости. И нельзя их изолировать навсегда, потому что шанс надо давать даже им.

Надежда Рукатова вышла из душа в пушистом белом халате, который изумительно подчеркивал цвет ее загорелых крепких ножек. Женщина знала свои достоинства и знала, что нравится Максиму. Именно вот так, в халатике, с еще влажным телом, с влажными волосами, которые сворачиваются кудряшками, с ароматом геля для душа.

Мужчина, сидевший в кресле у окна, скользнул взглядом по ее телу, рывком поднялся и, проходя мимо Надежды, провел рукой по груди и животу.

— Я быстро, детка!

Она прикрыла глаза от нахлынувших ощущений из-за этого короткого, умелого прикосновения. Максим был моложе ее на шесть лет, и у Надежды всегда начинало сладко ныть внизу живота, когда она думала о том, что этот молодой крепкий мужчина выбрал именно ее, что ему нравится секс с ней, что он без ума от нее как от женщины. Порой она даже пугалась, а не обман ли это. Но потом соглашалась сама с собой, что так разыгрывать страсть и желание невозможно. Он же просто зверь в постели. О, как ей это нравилось, нравилось оказываться в его власти, в его сильных руках, нравилось отдаваться его бешеным фантазиям.

Хотелось угождать ему, исполнять его требования, желания, капризы. О, сколько всего она совершала такого, о чем раньше и подумать бы постеснялась. Но Максим раскрепостил ее, он как будто распахнул двери и выпустил на волю все ее женское естество.

Рассматривая в зеркало свое лицо, уже лишенное девичьей нежности и привлекательности, Надежда в который раз спрашивала себя, а почему Максим с ней. Разве мало вокруг женщин моложе, красивее, стройнее? При его-то данных, при его привлекательности, умении влюблять в себя он мог бы, не напрягаясь, собрать себе целый гарем. И все женщины его гарема знали бы, что каждая — не единственная, и все

равно таяли бы в его объятиях, млели, ожидая своей очереди, в душе лелея сладкую и коварную мысль, что предыдущая женщина оставила в душе любовника неприятный осадок и толику разочарования. И только вот она прямо сейчас всколыхнет его душу, насытит его тело, его желания истинным огнем страсти, нежности и любви.

— Где моя девочка? — пророкотал за спиной бархатный глубокий голос, от которого у Надежды внизу живота затрепетали мягкими крылышками бабочки.

Она прикрыла глаза и безвольно опустила руки. Туман страсти накрыл ее окончательно. Весь мир перестал существовать, только его тело, только его руки и губы. Ей хотелось умереть прямо здесь и сейчас в его объятиях, под его напором, в его сильных властных руках.

Собранные в комок влажные простыни, халатик, повисший на спинке стула, тапочки, разбросанные по комнате, и тишина, в которой так гулко стучало ее сердце. Она не умерла! Он снова провел ее через все круги ада и рая, и теперь ее бог лежит рядом, поглаживая свою возлюбленную по груди, касаясь нежно губами ее плеча.

— Ну как ты? — спросил Максим. — Тебе было хорошо?

— Ты еще спрашиваешь, — судорожно вздохнула Надежда. — Разве с тобой может быть плохо. Это было великолепное сумасшествие.

— Я рад, что могу дарить тебе эти сладкие минуты.

— Ты мне даришь вторую жизнь.

— Скоро вторая твоя жизнь станет еще краше, еще слаще. Она превратится в постоянный рай. Вчера мне звонил помощник управляющего и напомнил, что подошло время паевого взноса за апартаменты. Дом уже заложен, квартиры распределяются. Важно успеть, чтобы была возможность определиться с этажом, ориентацией по сторонам горизонта. Первыми расхватывают квартиры, которые выходят окнами к океану.

— Да, — промурлыкала Надежда. — Утром взгляд на океан, кофе в постель из твоих рук и в сопровождении твоего поцелуя.

— Ты деньги привезла?